

ДЕКАБРЬ.

1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели. — Лиговская, 34.

1910.

Р. Гинцбургъ. Смертная казнь у евреевъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Н. Огановскій. Очерки по исторіи земельных отношеній въ Россіи. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Мюллеръ. Половая мораль и освобожденіе женщины. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Эри. Кросби. Толстой и его жизнеописаніе. Пер. съ англ. Изд. „Посредника“. М. 1911. Ц. 45 к.

Воздухоплаваніе. Въ 4-хъ томахъ. — **Т. І. М. Франкъ.** Исторія воздухоплаванія и его соврем. состоянія. Спб. 1911.

Конр. Гюнтеръ. Борьба за самку въ царствѣ животных и человека. Пер. подъ ред. А. Колмогорова. М. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

Е. Барботъ де-Марни. Уралъ и его богатства. Екатеринбург. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Д. П. Карпицкій. Гибнушіе лѣса. Спб. 1910. Ц. 50 к.

М. Розановъ. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в. Т. І. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Открытое письмо А. В. Жиркевича къ сотрудникамъ газ. „Новое Время“ А. А. Столыпину и Н. А. Энгельгарду. Вильна. 1910. Ц. 25 к.

Сборникъ лекцій, читанн. на курсахъ для агрономовъ въ 1909 г. Подъ ред. А. Г. Дояренко. Годъ І. М. 1910. Ц. 2 р. 75 к.

Е. Кошетъ. Лыжный, лыжно-па-

русный и лыжно-сановный спортъ. Ц. 20 к. Изд. 2-е. Спб.

М. А. Боголюбовъ. М. 1910. Руководство къ собств. изготовленію карманныхъ электрич. фонарей и ихъ батареекъ. Ц. 30 к. — Практич. руководство къ собств. изготовленію аккумуляторовъ. Ц. 40 к. — Руководст. къ собственноручной установкѣ телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаций. Ц. 50 к. — Руководст. къ простѣйш. устройству электрическаго освѣщенія, электр. звонковъ, сигнализаций. Ц. 50 к.

Труды экспедиціи по изслѣдованію земель печорскаго края Вологодской губ. Т. II. Подъ ред. П. И. Соколова.

Киргизское хозяйство V. Акмолинской обл. Тт. II, III, IV и въ Спб. 1910. Изд. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлія.

Землеотводныя и землеустроительныя дѣла за Ураломъ въ 1909 г. Изд. Переселенческаго отд. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлія. Спб. 1910.

Отчетъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея им. Александра III за 1909 г. Спб. 1910.

Гр. Цептеевъ. Указатель по всеобщей литературѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р. Вопросы обществовѣдѣнія. В. III. Спб. 1911.

Н. Карповъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи? По поводу теоріи Павлова-Сильванскаго. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Замѣтка о реализмѣ.

На нашихъ глазахъ происходитъ одна изъ очередныхъ переотѣнокъ. Чисто литературная и довольно специальная по существу, она не лишена симптоматическаго и общественнаго значенія. Поэтому она достойна вниманія болѣе широкихъ слоевъ читателей, тѣмъ болѣе, что, намъ кажется, въ значительной своей долѣ, она покоится на нѣкоторомъ теоретическомъ недоразумѣніи.

Рѣчь идетъ о реализмѣ русскаго романа XIX вѣка. Мы привыкли считать этотъ романъ однимъ изъ виднѣйшихъ завоеваній художественнаго реализма. Такъ воспринимали русскихъ бытописателей ихъ русскіе современники, такъ ихъ оцѣнивали за-

падно-европейскіе критики. И наше ощущеніе, наши опредѣленія не расходились съ этими оцѣнками. За послѣднее время мы встрѣчаемъ рядъ попытокъ внушить намъ, что мы ошибались.

Такъ, г. Перцовъ, увидѣвъ на сценѣ Московскаго Художественнаго театра «Братьевъ Карамазовыхъ», усомнился въ реализмъ ихъ автора. «Отъ первой сцены и до послѣдней (всѣхъ 18) нѣтъ почти ни одной,—отмѣчаетъ онъ—которая не кончалась бы истерикой. Въ нѣкоторыхъ по двѣ, по три истерики. Сперва «сочувствуешь», но, наконецъ, разбираетъ досада. Вѣдь это не жизнь, не «реальная дѣйствительность», а какая то перемежающаяся истерика, какъ бываетъ перемежающаяся лихорадка. Скажите: неужели въ «жизни» мы всѣ такъ часто плачемъ и бьемся въ судорогахъ? Слава Богу, дѣла на свѣтѣ обстоятъ еще не такъ ужасно. Но какъ же насъ учили, что Достоевскій—великій реалистъ?»

Г. Розановъ на страницахъ того же «Новаго Времени» напоминаетъ о томъ, какъ взяли подъ сомнѣніе реализмъ Гоголя. «Кажется, простъ вопросъ: «былъ ли реалистъ Гоголь?» «Такой натуральный писатель»,—твердили со временъ Чернышевскаго. А на гоголевскомъ праздникѣ въ Москвѣ вдругъ выступилъ яростный тезисъ, поддержанный почти школою: «Гоголь былъ фантастъ, не знавшій дѣйствительности, даже ею не интересовавшійся».

По обыкновенію г. Розановъ не «поинтересовался дѣйствительностью» и немножко перепуталъ. Г. Брюсовъ, о напумѣвшей рѣчи котораго здѣсь говорится, во всякомъ случаѣ знаетъ, что такихъ пустяковъ о Гоголѣ говорить нельзя: неприлично. Какъ извѣстно, письма и признанія Гоголя свидѣтельствуютъ о его напряженномъ стремленіи именно подлинную дѣйствительность положить въ основу своихъ работъ.

Правда, въ своей рѣчи «Испепеленный» г. Брюсовъ благоразумно обходитъ молчаніемъ, напримѣръ, знаменитыя признанія Гоголя: «Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ». Или: «... нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ блѣдно». Напомнить объ этомъ своимъ слушателямъ значило бы осложнить свое положеніе. Но и г. Брюсовъ не рѣшился все-таки сказать, что Гоголь «не интересовался дѣйствительностью». Наоборотъ, онъ упоминаетъ о работѣ Гоголя надъ матеріалами, о его записныхъ книжкахъ, о составленныхъ имъ сборникахъ малороссійскихъ пѣсенъ, о письмахъ къ роднымъ, которыхъ онъ постоянно просилъ доставлять ему бытовой матеріалъ. Но выводы г. Брюсова покоются именно на отношеніи Гоголя къ изученной имъ дѣйствительности: «Всѣ

эти тщательно собранные материалы совершенно преображались подъ его перомъ, образы дѣйствительности разрастались одной какой-нибудь стороною, то чтобъ стать чѣмъ то ослѣпительно-прекраснымъ», то чтобы явить «излишество и множество низкаго». На этомъ гиперболизмъ построена вся аргументація г. Брюсова. Рядъ страницъ онъ посвятилъ перечисленію преувеличеній Гоголя, ибо стремленіе къ гиперболѣ онъ считаетъ основной чертой, *faculté maitresse* Гоголя, господствующей въ его творствѣ и въ его жизни.

Гиперболизмъ Гоголя отмѣчался давно. Въ одномъ изъ посмертныхъ трудовъ Потебни, который полагалъ и доказывалъ, что Хлестакова Гоголь писалъ—въ потребности самообличенія и самоочищенія—отчасти съ себя, приведенъ—въ сыромъ видѣ—длинный рядъ соответственныхъ цитатъ изъ писемъ и сочиненій Гоголя; ученикъ Потебни, гельсингфорскій профессоръ Манделъштамъ въ своей книгѣ о стилѣ Гоголя обратилъ особое вниманіе на гоголевскій гиперболизмъ. Но еще много ранѣе, при жизни Гоголя критика, уже не характеризую, а обличая, усиленно занималась именно его преувеличеніями. «Карикатуриста» обвиняли въ неправдѣ, въ злостной и антихудожественной односторонности; и восторженные поклонники его таланта защищали его. Быть можетъ, ни одного новаго, не указанного уже преувеличенія не нашелъ у Гоголя г. Брюсовъ—и просто забавно, какъ онъ повторяетъ въ своихъ обличеніяхъ Николая Полевого.

Вотъ передъ нами городъ, «тотъ, гдѣ есть магазинъ съ вывѣской: «иностранецъ Василій Ѳеодоровъ». Проходитъ рядъ лицъ, но у нихъ все та же гипертрофія какой-нибудь одной стороны души. Скупость Плюшкина, грубость Собакевича, умильность Манилова, тупость Коробочки, безудержность Ноздрева, лѣнь Тѣнѣтнникова, обжорство Пѣтуха,—это опять: непомѣрный носъ, несообразный ротъ, невѣроятныя щеки героевъ Эдгара По*). И всѣ эти помѣщички и помѣщицы, которыхъ объѣзжаетъ стяжатель Чичиковъ со своимъ страннымъ предложеніемъ, весь этотъ міръ маніаковъ, говорятъ такъ, какъ не говорятъ въ жизни, совершаютъ поступки, какихъ никто не могъ бы совершить». Это говоритъ г. Валерій Брюсовъ. А вотъ, что говорилъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Николай Полевой: «Гдѣ, скажите, гдѣ видали вы города, въ которыхъ ни одно свѣтлое чувство не мелькнуло бы въ душѣ ни одного обитателя—гдѣ добродѣтель, умъ, честь, всѣ общественныя связи были бы всѣми забыты, попораны, гдѣ невѣжество и развратъ тяготѣли бы равно и безразлично надъ всѣми, гдѣ, наконецъ, самая

*) Г. Брюсову всѣ герои Гоголя психологически напоминаютъ призраковъ, описанныхъ въ одномъ разсказѣ Эдгара По: у каждого была до чрезвычайности развита одна какая-нибудь часть лица—у одного былъ непомѣрной величины лобъ, у другого ротъ шелъ отъ уха до уха, у третьяго носъ спускалъ ниже подбородка и т. д.

природа была бы мертва, грустна, печальна безъ измѣненій?.. Кто противъ того, что есть у насъ, какъ и вездѣ, Собакевичи, Плюшкины, Ноздревы, но не такіе они, да еслибы и такіе показались вамъ,—они исключенія, уроды. Какъ же по собранію уродовъ изображаете вы человѣка, и гдѣ естественность и вѣрность изображенія, за которыя превозносите вы «Мертвыя души»?

«Грязныя карикатуры»,—говоритъ Николай Полевой.—«Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведеніяхъ, но только съ изумительнымъ мастерствомъ нарисовалъ рядъ карикатуръ на нее»—говоритъ Розановъ. «Созданія Гоголя—смѣлыя и страшныя карикатуры, которыя, только подчиняясь гипнозу великаго художника, мы въ теченіе десяти лѣтъ принимали за отраженіе въ зеркалѣ русской дѣйствительности»—повторяетъ Брюсовъ. Карикатуры,—стало быть, не реалисты: коротко и ясно. Гипнозъ оконченъ: «послѣ критическихъ работъ В. Розанова и Д. Мережковского невозможно болѣе смотрѣть на Гоголя, какъ на послѣдовательнаго реалиста». И этого достаточно Брюсову; во всей его работѣ ни одного значительнаго новаго факта; можно только удивляться его слушателямъ, которымъ показалось ересью то, что такъ близко къ банальному. Но, конечно, ихъ раздражила эта притязательная бездоказанность, эта игра «косвенными уликами», эта безпредметная словесность, это—удивительное въ Брюсовѣ—легкомысліе. Разъ-два-три—здѣсь гипербола, тамъ гипербола, и все легко и дешево оказалось перевернутымъ: то, что казалось правдой, оказалось сплошь неправдой, реалистъ оказался не-реалистомъ.

Поистинѣ: *qui trompe t'on ici?* Вообразите современнаго читателя, взявшаго въ руки «Мертвыя Души» или «Ревизора». Онъ, конечно, замѣтитъ шаржъ, замѣтитъ преувеличенія; о карикатурахъ Гоголя говорятъ и учителя словесности. Если онъ настроенъ творчески, онъ углубитъ образы поэта, онъ расширитъ ихъ смыслъ, за ихъ бытовой правдой онъ увидитъ другую, болѣе важную и высокую. Но, конечно, никогда ему не придетъ въ голову, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло не съ реальнымъ изображеніемъ русской дѣйствительности—и никакія гиперболы Гоголя не убѣдятъ его въ этомъ.

Надо же помнить, что реализмъ не есть предвѣчный законъ искусства, а только одинъ изъ стилей. Стили же различаются не количествомъ воплощаемой въ нихъ правды, а приемами ея уловленія; реализмъ—не ручательство въ адекватности дѣйствительности и изображенія, а только одинъ изъ способовъ изображенія. Совершенно бессмысленно утвержденіе: такъ не бываетъ, а потому это не реализмъ; если такъ не бываетъ, то это и не искусство; причемъ же здѣсь реализмъ?

Съ «такъ не бываетъ» тоже надо быть осторожнѣе. Жизненный опытъ Гоголя и Достоевскаго для насъ достовѣриѣ жизненнаго опыта Брюсова и Перцова. Мы знаемъ, что жизнь безконечно

прихотливѣ, изобрѣтательнѣ, гиперболичнѣ самыхъ чудовищныхъ созданій нашей необузданной фантазіи и что она сплошь и рядомъ опровергаетъ самые точныя вычисленія нашего ограниченного предсказанія. Поэты видятъ больше — и какъ часто то, что намъ представлялось нелѣпымъ поэтическимъ вымысломъ, оказывалось блѣдной копіей дѣйствительности. Непонятна самая смѣлость такихъ обличеній. Намъ драгоценны незамѣнимые образы поэта; съ величайшей осторожностью надо подходить къ ихъ провѣркѣ. Разбивъ волшебное зеркало, отражающее міръ въ новой правдѣ, ничѣмъ не возстановить его. А г. Брюсовъ проходитъ мимо «Ревизора» и мимоходомъ говоритъ: «Затменіе, нашедшее на городничаго, сверхъестественно, ни съ чѣмъ не сообразно; ничего такого въ жизни не могло бы быть». И вопросъ рѣшенъ. Но почему мы должны вѣрить голословному «не могло быть» Брюсова больше, чѣмъ самому Гоголю? Развѣ Брюсовъ указалъ въ изображеніи Гоголя какое-нибудь внутреннее противорѣчіе? Нѣтъ, внутренне онъ аргументируетъ какъ Полевой: «Зная Россію, можетъ быть, больше васъ, извѣдвши ее во всѣхъ направленіяхъ, смѣло называемъ ложью и выдумкою (эти) изображенія». И Вяземскій, и Бѣлинскій на упреки тогдашнихъ скептиковъ отвѣчали подробными доказательствами того, что легковѣріе городничаго совершенно возможно психологически. Вяземскій приводилъ дѣйствительные случаи. Бѣлинскій послѣ нѣсколькихъ страницъ анализа говорилъ: «Видите ли, съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какой поразительною очевидностью умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго».

Еще на дняхъ тотъ самый «въ семьсотъ рублей арбузъ» и «супъ въ кастрюлкѣ прямо на пароходѣ», который Брюсовъ приводитъ какъ примѣръ нелѣпости, сверхъ-лганья, совершенно и безусловно немыслимаго въ устахъ самого пьянаго человѣка, оказался легкимъ преувеличеніемъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ дѣйствительностью николаевской Россіи. Вотъ какъ надо быть осторожнымъ въ этихъ обличеніяхъ. Если Достоевскій говоритъ, что въ одной сценѣ бываетъ три истерики, а Перцовъ скажетъ, что не бываетъ, то я скорѣе повѣрю Достоевскому: иногда скорѣе, чѣмъ себѣ. Ибо если не вѣрить тремъ истерикамъ, то какъ же повѣрить такой исторіи: у старика Карамазова было четыре сына, одинъ его хотѣлъ убить, другой убилъ, третій подговорилъ убить. У романа есть своя правда, которая не обязана совпадать ни съ правдой сцены, ни съ правдой жизни. Ужасно легко сказать: это невѣроятно, это не реализмъ. Но при этой системѣ доказательства реализма совсѣмъ не будетъ. Завтра возьмутъ подъ сомнѣніе Гончарова, послѣ завтра «трезвую правду» Рѣшетенкова — и отъ реализма ихъ ничего не останется.

Въ высшей степени необфдительны также указанія на карика-

турность гоголевскихъ образовъ. Есть карикатура и карикатура. Дѣйствительно, въ карикатурѣ есть черты, не свойственныя строго-реальному изображенію жизни, которую карикатура извращаетъ сознательно и намѣренно. Карикатура схематична, карикатура не индивидуализируетъ, карикатура преувеличиваетъ до абсурда. Художникъ-карикатуристъ не обманываетъ своего зрителя, не внушаетъ ему, что невѣроятное дѣйствительное; онъ показываетъ прямо и открыто, что несуществующее и невѣроятное для него лишь способъ изображенія дѣйствительности. Онъ заключаетъ съ своимъ зрителемъ молчаливый договоръ: оба знаютъ, что находятся въ сферѣ ирреального, и никто въ этомъ не заблуждается. Когда Эдгаръ По изображаетъ пьяницу, у котораго носъ спадаетъ, какъ хоботъ, ниже подбородка, то его читатель ни минуты не думаетъ, что его хотятъ увѣрить въ реальномъ существованіи такого лица. И когда носъ майора Ковалева поѣхалъ въ раззолоченномъ мундирѣ по Петербургу, мы не видимъ въ этомъ реального пріема изображенія дѣйствительности. Но вообще то карикатуры въ строгомъ смыслѣ нѣтъ въ преувеличеніяхъ Гоголя. Чуткіе къ преувеличенію, мы охотно злоупотребляемъ терминомъ—злоупотребляемъ, такъ какъ дѣлаемъ изъ него выводы, которые можно слѣлать только изъ термина—и называемъ комическихъ героевъ Гоголя карикатурами. Но исторически, психологически они карикатурами не были; для Гоголя, для Пушкина, для Аксакова «мертвыя души» не были ирреальными созданіями идеализирующей карикатуры; «какъ грустна Россія»—сказать, какъ извѣстно, Пушкинъ, когда прослушалъ «Мертвыя Души». Для него и для всей тогдашней Россіи это было именно «отраженіе въ зеркалѣ русской дѣйствительности»—пусть подчасъ и преувеличенное или—тогда не знали этого слова—тенденціозное, но реальное; и это самое важное при рѣшеніи вопроса о реализмѣ Гоголя.

Ибо давно пора отказаться отъ этой анти-исторической манеры въ оцѣнкахъ, по существу глубоко историческихъ. Индивидуалистическихъ литературныхъ портретовъ это вѣдь не касается. Хотите создавать себѣ своего Гоголя по образу и подобию своему и въ своихъ цѣляхъ—какъ это дѣлаетъ г. Мережковский въ своей импрессионистской фантастикѣ—сколько угодно, никто ни у кого на это права не отнимаетъ. Но этому художественному творчеству—свое мѣсто. Нельзя при этомъ играть терминами, которые имѣютъ достаточно опредѣленное и, полагаемъ, для всѣхъ цѣнное содержаніе.

Въ исторіи литературы,—а не въ чистой теоріи—разумѣется, идеализмъ и реализмъ относительны. Нѣтъ чистыхъ реалистовъ, и оттого такъ легко посредствомъ нехитрыхъ пріемовъ доказать, что никто не былъ реалистомъ. Но это предпріятіе столь же безцѣльно, сколь нетрудно. Не намъ, съ нашими требованіями правды, надо подходить къ старому писателю и оцѣнивать его какъ реалиста

или нереалиста: надо узнать, чѣмъ онъ былъ для своего времени; въ этомъ для науки все дѣло, и только объ этомъ стоитъ говорить. Для насъ ни одинъ большой писатель, пережившій свое время, конечно, уже не можетъ быть только реалистомъ. Неужто сочиненія Гоголя прожили съ нами три четверти вѣка лишь для того, чтобы остаться обличительной картиной николаевской Руси? Если бы его реальное творчество не было опорой для нашего созидающаго и углубляющаго идеализма, если бы его бытовые образы подъ напоромъ безконечной массы нашихъ читательскихъ впечатлѣній, запросовъ, мыслей, наблюденій не раздвигались въ всеобъемлющія картины человѣческой жизни, сверхъ-бытовые, сверхъ-реальные, то онъ бы просто умеръ. Но вѣдь не объ этомъ идетъ рѣчь, а именно о структурѣ этихъ первоначальныхъ образовъ, о томъ новомъ способѣ видѣть и изображать жизнь, который создало,—или вѣрнѣе лишь закрѣпило—творчество Гоголя въ русской литературѣ. Это надлежитъ рѣшать не путемъ импрессионистскихъ сочувственныхъ переживаній, не посредствомъ субъективно-критическихъ истолкованій—очень цѣнныхъ въ своей области, если они добросовѣстны, и органически-неизбѣжныхъ,—а при помощи историческаго изслѣдованія. Г. Розановъ—съ обычнымъ презрѣнiемъ къ фактамъ говорить: «Такой натуральный писатель,—твердили со временъ Чернышевскаго». Представьте себѣ—продолжаютъ твердить. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ Розановъ сказалъ о Гоголѣ: «Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведенiяхъ»; теперь Розановъ ссылается на Брюсова, который ссылается на Розанова, а читатели продолжаютъ «твердить» то же, что говорилъ—по мнѣнiю Розанова—Чернышевскiй. Любопытна эта ссылка на Чернышевскаго и ужасно розановская. Развѣ г. Розановъ не знаетъ, что о реализмѣ Гоголя говорили и раньше Чернышевскаго другiе, имена которыхъ менѣе одiозны въ его аудиторiи: Вѣлинскiй, Константинъ Аксаковъ. Но въ этой связи ему удобнѣе Чернышевскiй...

Конечно, не Чернышевскiй называлъ Гоголя «натуральнымъ» писателемъ: это терминъ николаевской Руси, и его прилагали къ Гоголю его хулители, равно какъ его поклонники. Но эпохой Гоголь былъ для всѣхъ. Сколько бы теперь въ исторической перспективѣ ни выдвигали реализмъ предшественниковъ Гоголя, отъ великой «Капитанской дочки» до маленькаго Нарѣжнаго, ясно какъ значительно въ рѣшенiи этого вопроса ощущенiе современниковъ. Были ли они въ историко-литературномъ развитiи—словечко И. С. Аксакова—«по сю или по ту сторону Гоголя», несомнѣнно, что Гоголь былъ гранью, Гоголь былъ школой, Гоголь былъ источникомъ новизны. Вяземскiй и Вѣлинскiй, Шевыревъ и Константинъ Аксаковъ и другiе настойчиво отмѣчали именно правду, достигнутую новыми приѣмами воспрiятiя жизни. «Общiй характеръ лицъ Гоголя тотъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ ни тѣни односторонности, ни тѣни отвлеченности, и какой бы характеръ въ

немъ ни высказывался, это всегда полное живое лицо, а не отвлеченное качество (какъ бываетъ у другихъ, такъ что надъ однимъ пиши: скупость, надъ другимъ вѣроломство, надъ третьимъ вѣрность и т. д.)... Такъ говорилъ Константинъ Аксаковъ, какъ бы напередъ отвѣчая Розанову и Брюсову. Не въ сомнительномъ авторитетѣ его дѣло, но вѣдь это живое свидѣтельство чуткаго современника: вопросъ о карикатурѣ ставился, и голосъ достовѣрныхъ свидѣтелей отвѣтилъ на него отрицательно. И, развѣ рѣчь идетъ не о впечатлѣніяхъ нашей рафинированной души, а объ исторической позиціи Гоголя, мы повѣримъ этому голосу. Онъ тѣмъ болѣе значителенъ, что, быть можетъ, ни одна изъ погрѣшностей Гоголя, указываемыхъ г. Брюсовымъ, не укрылась отъ его современниковъ. Но выводы ихъ были иные. Почему? Не потому ли, что отъ нихъ деревья не скрыли лѣса?

На ошибкахъ Гоголя г. Брюсовъ останавливается подробно и настойчиво. «Какъ извѣстно,—напоминаетъ онъ,—украинскія повѣсти Гоголя подвергъ суровой критикѣ съ точки зрѣнія исторической и этнографической правды П. Кулишъ еще въ 1861 г.» Что же изъ этого слѣдуетъ? Отвлечемся на мгновение отъ романтическихъ элементовъ украинскихъ повѣстей Гоголя, сочтемъ ихъ произведеніемъ чистаго реализма; но и въ такомъ случаѣ какой вѣсъ имѣютъ эти частныя историческія и этнографическія ошибки? Развѣ это ошибки противъ стиля? Развѣ онѣ разлагаютъ самую ткань произведенія? Развѣ ихъ такъ много, что онѣ сводятъ самыя повѣсти къ нулю? Развѣ онѣ подчасъ переносятъ образы украинскихъ повѣстей Гоголя въ міръ условно-идеализованный? И какъ строгъ, какъ странно-придирчивъ г. Брюсовъ въ этомъ случаѣ. Вотъ Гоголь рассказываетъ о битвѣ подъ Дубно: «Демидъ Поповичъ трехъ закололъ простыхъ, и двухъ лучшихъ шляхтичей сбилъ съ коней.»—«Какъ это...—недовѣрчиво восклицаетъ г. Брюсовъ,—одинъ одолѣваетъ пятерыхъ?» Но вѣдь у Гоголя и не говорится, что Поповичъ одновременно справился съ пятью: онъ одолѣлъ ихъ въ теченіе битвы поочередно, и ничего въ этомъ невѣроятнаго нѣтъ *). Такихъ примѣровъ не одинъ. Многое въ этомъ родѣ приводитъ г. Брюсовъ, иногда даже основательно, но всегда напрасно, всегда мимо цѣли.

Ибо развѣ неправда есть привилегія и отличительная черта идеализма? Развѣ нѣтъ дурного и хорошаго, большого и мелкаго, глубокаго и плоскаго реализма? Реализмъ обращается къ бытовой

*) Изображеніе битвы подъ Дубно, конечно, трудно назвать реалистическимъ, но, разумѣется, не мнимая его неправда играетъ роль въ его романтикѣ, а форма, патетизмъ изложенія, отсутствіе деталей: порядокъ словъ здѣсь гораздо важнѣ всякихъ героическихъ „преувеличеній“.

жизни тамъ, гдѣ идеализмъ витаетъ въ отвлеченіяхъ, реализмъ заполняетъ конкретными деталями то, что остается условно-схематичнымъ въ идеалистическомъ изображеніи. Развѣ эти приемы всегда и непремѣнно исключаютъ неправду? Реализмъ есть стиль эпохи; слабые легче подчиняются общему теченію, поверхностнѣе слѣдуютъ его глубокимъ требованіямъ и легче нарушаютъ его законы. Но они плывутъ по тому же теченію. Обличайте, сколько угодно, Мордовцева или Бажина или даже Шеллера въ неправдѣ; уличите ихъ въ томъ, что ихъ банальность, ихъ тенденціозность, ихъ слѣпота искажаетъ дѣйствительность. Развѣ они оттого перестанутъ принадлежать къ реалистическому теченію въ русской литературѣ? Скорѣе они перестанутъ принадлежать къ литературѣ.

Совершенно ясно: если Гоголь и Достоевскій не реалисты, то мы должны отказаться отъ возможности назвать кого-либо реалистомъ. Мы идемъ впередъ, мы открываемъ новую правду, художникъ могъ искать правду и не найти. Ея исканіе, но не ея обрѣтеніе есть законъ искусства. И если не вполнѣ достигнутая правда есть отрицаніе реализма, то никакого реализма попросту никогда не было.

Не этотъ ли выводъ соблазнилъ г. Брюсова?

А. Горнфельдъ.

Письмо Л. Н. Толстого.

Въ началѣ августа 1903 года г-нъ П. Бордаковъ, тогда студентъ Кіевскаго Университета, написалъ Льву Николаевичу Толстому письмо, въ которомъ повѣрялъ ему свои душевные мысли и настроенія. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отвѣтъ, который мы, съ разрѣшенія адресата и Александры Львовны Толстой, предлагаемъ вниманію нашихъ читателей въ увѣренности, что какъ предметъ переписки, такъ и взглядъ Л. Н. Толстого на этотъ предметъ представляютъ значительный интересъ.

Ред.

Конецъ вашего письма также сильно огорчилъ меня, какъ обрадовало его начало. Разубѣждать васъ я не стану, во 1-хъ потому, что по моему наблюденію, люди вѣрящіе въ спиритическое общеніе съ душами людей, никогда не убѣждаются внѣшними доводами, во 2-хъ потому, что всѣ неопровержимыя опроверженія спиритизма давно уже высказаны и мнѣ пришлось-бы повторять ихъ. Скажу только про себя, что представленіе или вѣра въ существованіе душъ и въ возможность общенія ихъ съ живущими, не дало бы мнѣ какой либо увѣренности въ будущей жизни, но, напротивъ